

содействии русских, крепость Джан-Кала. Однако впоследствии против него ополчилась феодальная верхушка Младшего Жуза, которая не могла простить Жан-Хоже его незнатного происхождения, в результате чего губернатор Обручев не решился доверить ему управление придарьинскими киргизами, что привело к откочевыванию Жан-Хожи на территорию хивинского ханства. Аналогичная ситуация возникла и с Исетаем Кутебаровым, в результате степь оказалась охвачена восстанием под его руководством в 1856 – 1858 гг. [14]

Обручев в марте 1851 г. написал особую записку на высочайшее имя, в которой обосновывает необходимость занятия Хивы, для чего, по его мнению, к тому времени были созданы все условия. Однако поддержки на тот момент Обручев не получил, а ряд исследователей считает, что именно подача этого документа привела к удалению Обручева с его поста.

Таким образом, период пребывания В.А.Обручева на посту Оренбургского военного губернатора были заложены предпосылки для дальнейшего продвижения России в среднеазиатские пределы. Созданные в этот период при его непосредственном участии укрепления, несмотря на все их недостатки, позволили в дальнейшем развить систему российского военного и гражданского присутствия и управления на данном среднеазиатском направлении.

Примечания:

1. Губернаторы Оренбургского края //Сост. В.Г.Семенов, В.П.Семенова. Оренбург, 1999. С.216.
2. См.: Макшеев А.М. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1869. С.7.
3. Венюков.М. Общий обзор постепенного расширения русских пределов в Азии и способов обороны их //Военный сборник. 1872. № 2.С.215.
4. См.: Губернаторы Оренбургского края...С.220.
5. Зыков С. Очерк утверждения русского могущества на Аральском море и реке Сыр-Дарья с 1847 по 1862 годы //Морской сборник. 1862. № 6. С.3126.
6. См.: Губернаторы Оренбургского края...С.221.
7. См.: Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. С.272.
8. Там же. С.273.
9. РГВИА, ф.67, оп.1, д.61, л. 10об.
10. См.: Мейер Л.Л. Указ соч. С.271.
11. См.: Терентьев А.М. История завоевания Средней Азии. Т.1-3. СПб., 1906. С.204.
12. См.: Макшеев А.М. Указ. соч. С.9.
13. ГАЧО, ф.10, оп.1, д.66, л.5.
14. См.: Терентьев А.М. Указ. соч. С.205.

В.В. Филатов
Магнитогорск

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВНЕСУДЕБНЫХ ОРГАНОВ НА УРАЛЕ В 1927 – 1941 гг.

Помимо конституционных органов правосудия, большое распространение в исследуемый период получила внесудебная система. Когда в годы массовых репрессий суды оказались перегруженными уголовными делами, руководители страны посчитали необходимым создать новые структуры для оперативного осуждения правонарушителей. Скорый суд осуществляли организации, не имевшие на это законных прав. С санкции высших партийных органов появлялись внесудебные органы, от деятельности которых безвинно пострадало немало людей.

В 1927 г. Президиум ЦИК СССР разрешил ОГПУ «рассматривать во внесудебном порядке вплоть до применения высшей меры наказания и опубликования в печати, дела до применения высшей меры наказания, подрывам, порче машинных установок как со злым умыслом, так и без оного». Привлекают внимание последние слова «без оного», т.е. без злого умысла.

Достаточно было факта, а умысел здесь не важен. Без суда и следствия обвиняемый получал суровое наказание. В то же время прокуратуре было запрещено самостоятельно возбуждать дела против работников ОГПУ [1].

Когда возникала кризисная ситуация, то ОГПУ оперативно решало вопросы защиты государства. Чекисты становились карающим мечом партии, иногда не вдаваясь в тонкости расследования дела. Важно было арестовать, а затем разбираться, кто прав и кто виноват.

В сентябре 1929 г. ОГПУ предложило ПП ОГПУ усилить на местах применение репрессивных мер по высылке кулацких зажиточных слоев, уклонявшихся от выполнения заданий по хлебозаготовкам, и злостных спекулянтов. Дела, требующие немедленных репрессий, по согласованию с областными, краевыми комитетами, могли рассматриваться во внесудебном порядке, причем полномочные представительства ОГПУ могли самостоятельно выносить меру наказания по согласованию с партийными структурами, телеграфно сообщая Г. Ягоде для санкции. В сообщении необходимо было изложить сущность обвинения, имя отчество и фамилию осужденных. После санкции приговор мог приводиться в исполнение.

Позднее дела, требующие немедленных репрессий, после предварительного рассмотрения и определения меры наказания в полномочных представительствах ОГПУ по согласованию с комитетами ВКП(б) высылались в Москву с докладчиком для внесудебного рассмотрения [2]. Так, партийные органы становились участниками расправы над людьми без суда и следствия. Все это объяснялось чрезвычайной ситуацией.

В 1930 г. приказом НКВД были организованы «тройки», «двойки» для внесудебного рассмотрения дел на бывших кулаков и других антисоветских элементов. Постановлением Президиума ЦИК СССР от 3 февраля 1930 г. на время проведения кампании по ликвидации кулачества как класса ОГПУ передавало функции внесудебного рассмотрения дел своим полномочным представителям в краях и областях с привлечением представителей краевых и областных исполкомов и органов прокуратуры. В состав «троек» включались представители крайкомов и обкомов ВКП(б) [3].

8 февраля 1930 г. бюро Башкирского обкома партии приняло постановление «О постоянных представителях от обкома на судебных тройках БООО ГПУ». Для участия в работе «тройки» направлялись секретарь обкома Быкин и его заместитель Абалаяев [4].

В 1930 г. через «тройки» ОГПУ в стране прошло 179,6 тыс. чел., из них к высшей мере приговорили 10,6%, к лишению свободы в исправительно-трудовых домах (ИТД) – 55,3%, к ссылке – 21,3%, к высылке – 4,9%. Через «тройки» в Уральской области прошло 5362 человека, в Башкирии – 6303, на Средней Волге – 8654 чел. Если осужденных в СССР «тройками» в 1926 г. взять за 100% (2,4 тыс. чел.), то в следующем году их количество возросло в 2,8 раза (6,7 тыс.), в 1928 г. – в 1,8 раза (4,2 тыс.), в 1929 г. – в 2,5 раза (5,9 тыс.) и в 1930 г. – в 75,5 раза (179,6 тыс. чел.) [5]. Таков был итог усиления репрессий к несогласным с мероприятиями советской власти в связи с начавшимися коллективизацией и раскулачиванием.

Из этой информации видно, что наиболее «ударно» «тройки» работали в Башкирии, поскольку по численности населения эта республика значительно уступала и Уральской области, и Средне-Волжскому краю. В 1930 г. после решения Президиума ЦИК СССР шквал репрессий буквально обрушился на зажиточное крестьянство.

В компетенцию внесудебных органов входило рассмотрение дел о контрреволюционных преступлениях, шпионаже, контрабанде, фальшивомонетничестве и валютных операциях, а также о бандитизме и других особо опасных уголовных преступлениях. Внесудебным органом стало и Особое совещание ОГПУ. В конце 1920-х гг. на Особом совещании при ОГПУ слушались законченные следствием дела, предварительно рассмотренные на заседаниях «троек», которые были образованы циркулярами ОГПУ в 1929 и 1931 гг. [6]

Об активизации внесудебных органов в начале 1930-х гг. говорило то, что за 15 месяцев (1930 – 1931 гг.) в Башкирии было арестовано 12 тыс. чел. За январь-март 1931 г. «тройка» осудила 2,9 тыс. чел., из них 143 – к расстрелу, 1587 – к заключению в концлагерь, 1028 – к ссылке [7].

В отчете Прокуратуры СССР Президиуму ЦИК СССР о надзоре за органами ОГПУ за 1931 г. (декабрь 1931 г.) раскрывалась деятельность специальных «троек» (по рассмотрению дел, подсудных коллегии ОГПУ и Особому совещанию при ней). «Тройки» имели право рассматривать дела первоначально с обязательным представлением своих решений на утверждение коллегии ОГПУ, а затем им было предоставлено право окончательного вынесения решений по все делам, вплоть до применения высшей меры социальной защиты. Прокурор имел право опротестовать в коллегию постановления «троек» и приостанавливать исполнение опротестованных решений. В состав «троек», кроме представителей ПП ОГПУ, входили представители краевого (областного) комитета ВКП(б) с обязательным участием прокурора.

Как следовало из отчета, «создание этих троек являлось мерой чрезвычайной и обуславливалось, главным образом, необходимостью быстрого нанесения удара по контрреволюции, оживившейся в связи с ликвидацией кулачества как класса, так как направление дел в коллегию ОГПУ удлинило срок рассмотрения их». Прокуратура считала, что эти органы со своей задачей справились. Они работали так оперативно, что от контрреволюционеров и сочувствующим им не осталось и следа. В то же время отмечалось, что в ряде регионов «в работе троек были допущены значительные перегибы, сводящиеся к неосновательному осуждению середняков и других близких элементов и неосновательному применению высшей меры социальной защиты».

С мая 1931 г. компетенция «троек» ограничивалась только рассмотрением дел о деревенской, кулацкой контрреволюции, и им запретили самостоятельно выносить приговоры к высшей мере социальной защиты. Такие приговоры подлежали утверждению коллегией ОГПУ [8].

Широкие полномочия, полученные «тройками», разрушили судебную систему страны. Протесты прокуроров не могли поколебать произвол, так как представительство в «тройках» руководителей партийных органов уже априори предусматривало непогрешимость вынесенных решений. Власть лишь волновало наличие среди осужденных середняков и бедняков. Нарушения же в отношении кулаков в счет не шли.

Позднее деятельность «троек» несколько ограничили. Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) «О тройках ОГПУ» (10 мая 1933 г.) «тройкам» ОГПУ в республиках, краях и областях запрещалось выносить приговоры о высшей мере наказания [9]. Однако в августе 1933 г. вновь Политбюро временно разрешило судебным «тройкам» ряда территорий страны применять к организаторам и бандитскому активу высшую меру наказания [10]. Высшее партийное руководство страны считало, что

таким путем будет легче расправиться с настоящими и мнимыми противниками советской власти.

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о работе судов и прокуратуры от 10 июля 1934 г. рекомендовало при Верховном суде СССР и РСФСР, а также областных, краевых судах создать специальные комиссии из председательствующего и двух членов суда. Данная комиссия должна была рассматривать дела о государственных преступлениях против порядка управления. Дела об измене родине, о шпионаже, о терроре, взрывах, поджогах, диверсиях подлежали рассмотрению Военными трибуналами и военной коллегией Верховного Суда СССР по подсудности [11]. Все эти решения свидетельствовали о переходе к закрытости рассмотрения политических дел и отступлении от нормального судопроизводства.

27 мая 1935 г. приказом НКВД СССР в УНКВД республик, краев и областей были организованы «тройки» НКВД, на которые распространялись права Особого совещания (вынесение приговоров о заключении в лагерь и тюрьмы до 5 лет, ссылке и высылке «уголовно деклассированного элемента»). В состав «тройки» входили председатель (начальник УНКВД или его заместитель), члены (начальник Управления милиции) и начальник отдела, чье дело рассматривалось на «тройке». Участие прокурора было обязательным.

В июне 1936 г. секретным циркуляром Прокуратуры СССР дела о государственных преступлениях, расследуемых органами НКВД, должны были передаваться на рассмотрение спецколлегий [12]. Только в Удмуртии за 9 месяцев 1936 г. спецколлегия осудила 303 чел., из них шесть – к расстрелу и 28 – на 10 лет лишения свободы [13].

На основании приказа НКВД СССР (17 сентября 1938 г.) при Управлениях НКВД краев и областей стали создаваться «Особые тройки» в составе первого секретаря обкома, крайкома ВКП(б), начальника соответствующего управления НКВД и прокурора области, края, республики [14]. В Удмуртии в «тройку» вошли Барышников от обкома партии, Шлепов от НКВД и зам. прокурора республики Шевельков, в Башкирии – Исанчурин, Бак, Цыпнятов, в Челябинской области – Рындин, Блат, Малышев, в Свердловской области – Аболяев, Дмитриев, Грачев [15].

Однако эти и другие «тройки» просуществовали недолго. Началась новая кампания по восстановлению законности, и их ликвидировали. При этом вспомнили о прегрешениях подобных внесудебных формирований. В ноябре 1938 г. «тройки» и «двойки» были ликвидированы, но как внесудебный орган Особое совещание сохранилось до 1953 г. без изменения функций [16].

Резолюция Президиума ЦКК ВКП(б) в 1938 г. категорически запрещала создание в партийном порядке каких-либо «троек» или «пятерок» для рассмотрения судебных дел, предварительно или одновременно с судебным решением [17]. После отказа от чрезвычайных внесудебных органов начался пересмотр дел осужденных «тройками».

Из 1,3 млн. осужденных в 1937 – 1938 гг. по обвинениям в контрреволюционных и других особо опасных государственных преступлениях только 134,8 тыс. чел. были осуждены судебными органами, а остальные – внесудебными [18]. Всего за семь месяцев работы в 1937 – 1938 гг. в Челябинской области «тройкой» УНКВД было осуждено 12480 чел., из них 5980 приговорили к расстрелу [19].

Особым совещанием НКВД, бывшей коллегией ОГПУ и «тройками» на местах с 1927 по 1938 гг. было осуждено к различным мерам наказания (к заключению в лагерь, ссылкам и высылке) 2,1 млн. чел. [20]

О результатах функционирования внесудебных органов за 1927 – 1940 гг. можно судить по следующим данным. Количество осужденных коллегией ОГПУ могло колебаться от 25 чел. в 1933 г. до 13,4 тыс. в 1931 г. и 12,6 тыс. только за полугодие 1934 г. Особое совещание также показывало низкие данные за 1933 г. (330 чел.), но больше всего осужденных этим внесудебным органом приходилось на 1938 г. (45,8 тыс.).

Наибольшую активность проявляли «тройки». Если в 1930 г. они осудили больше всего людей (179,6 тыс.) за период с 1927 по 1931 г., то в годы «большого террора» репрессии этих внесудебных органов достигают своего пика: 1937 г. – 688 тыс. и 1938 г. – 413,4 тыс. осужденных [21].

Так, на протяжении второй половины 1920-х – 1930-х гг. чрезвычайные внесудебные органы боролись с преступлениями против государства. Получив необятные полномочия, Особые совещания, так называемые «тройки» без норм процессуального кодекса судили заподозренных в нелояльности власти людей. Практически без суда и следствия тысячи людей оказались безвинно осужденными. Причем, чаще всего внесудебными органами выносились самые суровые приговоры, вплоть до смертной казни. Массовое нарушение прав человека стало обыденным явлением в период укрепления сталинского режима. В это беззаконие свой вклад вносили и внесудебные органы.

Примечания:

1. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. История государства и права России. XX в. М., 2003. С. 177, 246.
2. Мозохин О. ВЧК-ОГПУ. Карающий мог диктатуры пролетариата. М., 2004. С. 158.
3. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Указ. соч. С. 247.
4. ЦГАОО РБ. Ф. 122. Оп. 9. Д. 16. Л. 85.
5. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. Т. 2. М., 2000. С. 809-810.
6. Там же. М., 1999. Т. 1. С. 776.
7. Давлетшин Р.А. «Великий перелом» и трагедия крестьянства Башкортостана. Уфа, 1993. С. 129.
8. Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 233-234.
9. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Архив Сталина. Документы высшей партийной и государственной власти. Январь 1922-декабрь 1936. М., 2003. С. 435.
10. Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сборник документов. М., 1995; С. 64.
11. Там же.
12. ГАОО. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 17. Л. 77.
13. ЦГА УР. Ф. 635. Оп. 2. Д. 39. Л. 153.
14. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х – первая половина 1950-х годов: Сборник документов в 7 т. М., 2004; Т. 1. С. 286.
15. Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 1. С. 320, 322-323.
16. Там же. Т. 1. С. 776.
17. ГАОО. Ф. 1308. Оп. 1. Д. 25. Л. 19-21.
18. Попов В.П. Государственный террор в советской России. 1923-1953: источники и их интерпретации // Отечественные архивы. 1992. №2. С. 278.
19. Вепрев О.В., Лютков В.В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002. С. 284.
20. Трагедия советской деревни. Т. 5. Кн. 2. С. 348.
21. Мозохин О. Указ. соч. С. 168.

А.Л. Филоненко
Магнитогорск

УПРАЗДНЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ СТРУКТУР: УРАЛЬСКИЙ ОБЛАСТНОЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА

К началу XX в. на Урале сложилась своеобразная ситуация: возникшая в петровскую эпоху местная промышленность в большей своей части управлялась из столицы – из Санкт-Петербурга. Поэтому идею